

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.11>

UDC 94“9”:341.76
LBC 63.3(0)4-92

Submitted: 01.06.2019
Accepted: 01.08.2019

**ON ONE BYZANTINE RHETORICAL GAMBIT
TO DISAVOW DIPLOMATIC PRECEDENT
(CONST. PORPH. DAI. 13.145–194 & LIUD. RELATIO. 55)¹**

Aleksey S. Shchhavelev

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article aims to compare two texts concerning byzantine diplomatic practices of the mid 10th century. The first one is described in the 13th chapter of the treatise “De Administrando Imperio”, in which its author Constantine VII Porphyrogenitus gave some pieces of advice to his son Romanus II Porphyrogenitus how to line up rhetorical manipulation during the negotiations with ambassadors of different ‘barbarian’ nations. The second one is the description of conversation, which took place on September 17, 968 between emperor Otto I the Great’s ambassador bishop Liudprand of Cremona and patrician Christopher. It is described in Liudprand’s “Relatio de Legatione Constantinopolitana”. **Methods.** The classical comparative method is used to examine the veracity of two independent texts of different character describing the similar diplomatic trick. The author compares a program-ideological and simultaneously a propaedeutic treatises with a semi-official report of a foreign senior ambassador. **Analysis.** In the 13th chapter of the treatise “De Administrando Imperio” its author Constantine VII Porphyrogenitus advised his son Roman II in negotiations with the ambassadors of the “barbarian” nations not to except the precedent of giving in marriage the granddaughter of the Byzantine emperor Romanus I Lecapenus Maria-Irina to Bulgarian ruler Peter, since Romanus I Lecapenus was a man of poor education and incompetent in the ancient sacred customs of the Roman Empire. In “Relatio de Legatione Constantinopolitana” by bishop Liudprand of Cremona during the confiscation of “purple clothes”, which he had bought, he referred to the fact that during his last visit to Constantinople, emperor Constantine VII Porphyrogenitus had allowed him to take out even more expensive clothes without any obstacles. Contrary to this example, he received a reply from patrician Christopher, that emperor Constantine was a weak man and cherished the friendship of barbarians and foreigners with gifts, and ruling emperor Nikephoros II Phokas was a strong and warlike man, he didn’t allow such liberties for foreigners. In both cases, the same counter-argument was used to disavow precedent – a criticism of the bygone emperor in comparison with the current sovereign. This suggests that it was a common rhetorical device for Byzantine diplomats. These two cases allow to clarify the sophisticated ideology of “Tradition” and its “Split” as a corner-stone political idea of Eastern Roman Empire. **Results.** As a result of comparing the texts “De Administrando Imperio” (952–959) and “Relatio de Legatione Constantinopolitano” (969) it becomes clear that Byzantine politicians in the mid 10th century used for disavowing diplomatic precedents the criticism of their own emperor, who agreed to some concessions in the past. His personality was declared inappropriate to the high standards of a Roman ruler in comparison with the current emperor. Such rhetoric was surprising for the peoples who considered a series of their rulers as a genealogical aggregate of relatives responsible for their predecessors as for themselves. Byzantine politicians calmly recognized imperfections of their bygone emperors, what allowed them to ignore the strongest diplomatic argument of the early Middle Ages – a historical precedent.

Key words: Byzantium, Constantinople, Holy Roman Empire, 10th-century diplomacy, diplomatic practice, Constantine VII Porphyrogenitus, Liudprand the bishop of Cremona.

Citation. Shchhavelev A.S. On One Byzantine Rhetorical Gambit to Disavow Diplomatic Precedent (*Const. Porph. Dai. 13.145–194 & Liud. Relatio. 55*). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 129-138. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.11>

**ОБ ОДНОЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ РИТОРИЧЕСКОЙ УЛОВКЕ
ДЛЯ ДЕЗАВУИРОВАНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРЕЦЕДЕНТА
(CONST. PORPH. DAI. 13.145–194 И LIUD. RELATIO. 55)¹**

Алексей Сергеевич Щавелев

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье поставлена задача сравнить два текста, касающихся византийских дипломатических практик середины X века. Первый из них – 13-я глава трактата византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», в которой он дает советы своему сыну Роману II Багрянородному по поводу того, как использовать манипулятивную риторику во время переговоров с послами разных варварских народов. Второй текст – описание разговора, произошедшего 17 сентября 968 г. между послом императора Оттона I Великого епископом Кремоны Лиудпрандом и патриkiem Христофором, который был изложен в «Отчете о посольстве в Константинополь» 969 г. самим Лиудпрандом. *Методы.* В статье применен классический метод сравнения двух независимых разнохарактерных текстов с целью верификации информации об одной и той же описанной в них дипломатической уловке. Сравняются программно-идеологический и одновременно пропедевтический трактаты с полуофициальным отчетом главы иностранного посольства. *Анализ.* В 13-й главе трактата «Об управлении империей» его автор Константин VII Багрянородный советует сыну Роману II в переговорах с послами варварских народов не признавать прецедент выдачи замуж внучки византийского императора Романа I Лакапина Марии-Ирины за правителя болгар Петра, поскольку Роман I Лакапин был человеком малообразованным и несведущим в древних священных обычаях Ромейской империи. В «Отчете о посольстве в Константинополь» епископ Лиудпранд Кременский во время обыска и конфискации купленных им «пурпурных одеяний» ссылается на то, что в прошлый его приезд в Константинополь император Константин VII Багрянородный позволил ему беспрепятственно вывезти еще больше дорогостоящей одежды. На этот пример он получил ответ от патрикия Христофора, что император Константин VII был человеком слабым и заискивал дружбы варваров-иноземцев подарками, а правящий император Никифор II Фока – человек сильный и воинственный, он не позволяет иностранцам таких вольностей. В обоих случаях используется одинаковый контраргумент для дезавуирования прецедента – критика прошлого императора в сравнении с действующим сувереном, из чего следует, что это был обычный риторический прием для византийских дипломатов. Оба рассмотренных дипломатических казуса позволяют лишний раз «высветить» изошренную идеологию «Традиции» и «Разрыва» с ней, которая была основной политической идеей Ромейской империи. *Результаты.* Сравнение текстов «Об управлении империей» 952–959 гг. и «Отчета о посольстве в Константинополь» 969 г. позволило установить, что византийские политики в середине X в. использовали для дезавуирования дипломатических прецедентов критику собственного императора, который в прошлом согласился на какие-то уступки. Его личность объявлялась несоответствующей высоким стандартам правителя ромеев в сравнении с действующим императором. Такая риторика была удивительна для народов, которые мыслили череду своих правителей как генеалогическую совокупность родичей, ответственных за своих предшественников как за себя. Византийские же политики спокойно признавали несовершенства своих покойных императоров, что позволяло им игнорировать самый сильный дипломатический аргумент раннего Средневековья – исторический прецедент.

Ключевые слова: Византия, Константинополь, Священная Римская империя, дипломатия X века, дипломатическая практика, Константин VII Багрянородный, Лиудпранд епископ Кремоны.

Цитирование. Щавелев А. С. Об одной византийской риторической уловке для дезавуирования дипломатического прецедента (*Const. Porph. Dai. 13.145–194 и Liud. Relatio. 55*) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 6. – С. 129–138. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.11>

Введение. Византийские дипломаты X в. во время переговоров с иноземными контрагентами использовали изошренные манипуляции и сложную риторику [12; 20–23]. При этом

византийская дипломатия ориентировалась на идеологию превосходства Ромейской империи и ромеев как «избранного народа» над окружающими их варварами [11, р. 38–120; 17; 18,

р. 154–186; 25]. В программных текстах императоров Македонской династии не всегда можно понять, когда речь идет о реальной дипломатической практике, а когда об идеологически ангажированной теории международных отношений. В частности, такой вопрос о соотношении «практического» и «литературно-идеологического» встает при анализе текста трактата «Об управлении империей» императора Константина VII Багрянородного. Сравнение текстов 13-й главы трактата византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» [7, р. 66–77; 8, р. 63–69], написанного между 952 г. и ноябрем 959 г. [2], и отчета о поездке в Константинополь летом – осенью 968 г. посла императора Священной Римской империи Оттона I епископа Кремоны Лиудпранда [4, S. 29–154; 14; 15, р. 3–37, 238–282; 19; 24] позволяет выявить не идентифицированную как реальный прием дипломатии риторическую уловку, которую использовали византийские политики в переговорах с иноземными послами.

Методы. В статье использован классический метод *сравнения двух независимых текстов между собой* с целью реконструкции манипулятивной стратегемы для нейтрализации аргумента к прецеденту. С помощью сравнения показано, как эта стратегема применялась византийцами в реально происходивших переговорах в 950–960-е годы. Сравняются программно-идеологический для Ромейской империи и одновременно пропедевтический трактат и полуофициальный отчет посла Священной Римской империи в Константинополе.

Анализ. В 13-й главе император Константин VII Багрянородный дает советы своему сыну Роману II Багрянородному, как следует отвечать на самые наглые притязания варваров во время дипломатических контактов с ними [7, р. 66, 68, 70, 72, 74, 76]. Император особо выделяет наиболее неприемлемые из них: во-первых, просьбу подарить что-нибудь из царских одежд, венцов или мантий, во-вторых, просьбы подарить «жидкий огонь», в-третьих, предложения заключить браки между представителями императорского дома Ромейской империи и правящих кланов варварских народов. На все три запроса Константин VII Багрянородный предлагает Рома-

ну II отвечать, что эти действия были запрещены правителям Ромейской империи еще императором Константином I Великим (Флавием Валерием Аврелианом Константином Августом, умершим 22 мая 337 г.), а императоры-нарушители всегда подвергались в прошлом различным наказаниям от Бога [8, р. 63–64]. Однако Константин VII вполне понимает, что иноплеменники, требуя династического брака с представителями Македонской династии, могут сослаться на прецедент – свадьбу василевса болгар Петра и внучки императора Романа I Лакапина Марии-Ирины Лакапины [9; 19]. Речь идет о заключении 8 октября 927 г. мирного договора между василевсом болгар Петром и императором ромеев Романом I Лакапином, скрепленного браком Петра и дочери сына Романа I Христофора Марии (о Марии Лакапине см.: [6]). Императору Константину VII очевидно, что у послов варварских народов есть исторический прецедент, когда император ромеев согласился на брак своей внучки с иноземным правителем и не получил никакого божественного наказания за это.

Как и предвидел император Константин VII Багрянородный, этот аргумент был применен послом императора Священной Римской империи Оттона I Великого епископом Кремоны Лиудпрандом на переговорах 13 июня 968 г. с паракимоменом Василием Лакапином Нофом («*parakinumenos Basilius*») [5; 30] (см. также: *Prosopographie der Mittelbyzantinischen Zeit* #20925). Посольство епископа Кремоны Лиудпранда в Константинополь состоялось летом – осенью 968 г.: он прибыл 4 июня, а отбыл 2 октября, и всего он провел там, по его собственному подсчету, 120 дней. Епископ Лиудпранд прибыл как посол императора Священной Римской империи с предложением о браке сына Оттона I Великого Оттона II Рыжего с дочерью императора Романа II Багрянородного Анной [9]. На это предложение Василий Лакапин Ноф ответил, что Анна – «багрянородная <дочь> багрянородного <отца>» («*porphyrogeniti porphyrogenita*»), «то есть в пурпуре рожденная дочь в пурпуре рожденного» («*hoc est in purpura nati filia in purpura nata*») [14, р. 6–7]. Лиудпранд тут же сослался на брачный союз «короля болгар Петра» («*Petrus Bulgarorum rex*») и дочери императо-

ра Христофора Лакапина. В ответ ему Василием Лакапином Нофом было указано, что Христофор Лакапин не был «багрянородным» («*non porphyrogenitus fuit*»). Далее переговоры зашли в тупик и перешли в фазу обмена идеократическими лозунгами.

Как видим, Василий Лакапин Ноф, отвечая на ссылку на исторический прецедент брака представительницы императорского дома с иноземцем-варваром, сделал акцент на разном статусе «дважды багрянородной» Анны и дочери «небагрянородного» Христофора Марии. Следует обратить внимание, что Василий Лакапин Ноф подчеркивает, что Анна не просто «багрянородная», но еще и дочь «багрянородного отца». При этом он подчеркивает, что именно ее отец (одновременно – его собственный единокровный брат) Христофор Лакапин не был «багрянородным», обходя вопрос о «багрянородном» статусе Марии-Ирины, поскольку параллельно шли переговоры с находящимися в Константинополе болгарскими послами и обсуждать была ли «багрянородной» их правительница Мария-Ирина было не очень дипломатично и, возможно, даже не слишком безопасно.

Император Константин VII Багрянородный предлагал в своем трактате дезавуировать этот же прецедент свадьбы болгарина Петра и византийки Марии-Ирины несколько по-другому: «... Ὁ κύρις Ῥωμανός ὁ βασιλεὺς ἰδιώτης καὶ ἀγράμματος ἄνθρωπος ἦν, καὶ οὐτε τῶν ἄνωθεν ἐν βασιλείοις τεθραμμένων, οὐτε τῶν παρηκολουθηκότων ἐξ ἀρχῆς τοῖς Ῥωμαϊκοῖς ἐθισμοῖς, οὐτε ἀπὸ γένους βασιλείου καὶ εὐγενοῦς, καὶ διὰ τοῦτο αὐθαδέστερον καὶ ἐξουσιαστικότερον τὰ πολλὰ κατεπράττετο, καὶ ἐν τούτῳ οὐτε τῇ ἐκκλησίᾳ ἀπαγορευούσῃ ὑπήκουσεν, οὐτε τῇ ἐντολῇ καὶ διαταγῇ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου κατηκολούθησεν, ἀλλ' ἐκ γνώμης αὐθάδους καὶ αὐτοβούλου, καὶ τῶν καλῶν ἀμαθοῦς καὶ μὴ βουλομένης ἔπεσθαι τῷ πρέποντι καὶ καλῷ, μηδὲ ταῖς πατροπαραδότοις στοιχεῖν διατάξεις τοῦτο ποιῆσαι τετόλμηκεν <...> πολλὰ καὶ ζῶν ὠνειδίσθη ὁ prorρηθεὶς κύρις Ῥωμανός, καὶ διεβλήθη καὶ ἐμισήθη παρά τε τῆς συγκλήτου βουλῆς καὶ τοῦ δήμου παντὸς καὶ τῆς ἐκκλησίας αὐτῆς, ὡς καὶ τὸ μῖσος ἀπὸ τοῦ τέλους γενέσθαι καταφανές, καὶ μετὰ θάνατον ὁμοίως ἐξουθενεῖται καὶ διαβάλλεται καὶ ὑπὸ καταγνώμῃν τίθεται καὶ οὗτος, ἀνάξιον

πραῖγμα καὶ ἀπρεπὲς εἰς τὴν εὐγενῆ πολιτείαν Ῥωμαίων καινοτομήσας <...> ἐπεὶ καὶ τὸ διὰ τὰς τοιαύτας αὐτοβούλους πράξεις αὐτοῦ ἐπελθὼν αὐτῷ τέλος, φημί δὴ τῷ κυρῷ Ῥωμανῷ, ἱκανὸν ἐστὶν πρὸς σωφρονισμὸν παράδειγμα τῷ βουλομένῳ τὰ κακῶς παρ' ἐκείνου πραχθέντα ζηλοῦν [7, p. 72, 74, 76]». – «Кир Роман василевс был простой и неученый человек и изначально не принадлежал ни к тем, кто с первоначала был в царских дворцах, ни к тем, кто изначально следовал ромейским обычаям; он не был из родов царского или благородных и поэтому самовластно и деспотично многое делал, и таким образом церкви запретам не повиновался; заветам и распоряжениям великого Константина не следовал, но по разумению упрямому и самовольному и необученному добродетели <действовал> и не желал же следовать правильному и добродетельному, а также праотцами установленные руководящие правила смел не соблюдать. <...> Поэтому и при жизни ненавидим был вышеназванный кир Роман, и порицаем и ругаем синклита советом и всем народом, и церковью самой; и это отвращение проявилось в том, каков был его исход; и после смерти точно так же подвергался презрению и злословию, и неприятие вызвал, поскольку это неподобающее и непристойное дело новшеством в благородную политику ромеев привнес. <...> Поэтому и из-за таких самовольных его дел постигший его конец, я имею в виду кира Романа, достаточный для вразумления есть пример для того, кто пожелает скверным этим поступкам неразумно подражать...» (здесь и далее перевод наш. – А. Ш.).

В историографии совет Константина VII сыну Роману II и дискуссия паракимомена Василия Лакапина с послом-епископом Лиудпрандом, связанные с браком болгарского василевса Петра и Марии-Ирины, сопоставлялись неоднократно [8, p. 67; 12]. Применительно к тексту «Об управлении империей» считается, что данный пассаж был введен Константином VII в его трактат для того, чтобы лишний раз осудить и обличить своего тестя Романа I Лакапина, узурпировавшего, по его мнению, высшую власть [8, p. 63–64, 68]. Однако у этого пассажа был и вполне практический для дипломата смысл, который становится понятным, только если снова обра-

тяться к отчету посла в Константинополе епископа Кремона Лиудпранда.

В описании Лиудпрандом переговоров с евнухом патрикием Христофором [27, р. 116–117, 140] (см. также: *Prosopographie der Mittelbyzantinischen Zeit* #21302) и «еще тремя», скорее всего, под «тремя» имеются в виду еще три высокопоставленных евнуха. Епископ Лиудпранд евнухов крайне не любил [14, р. 16, 83] и всякий раз отмечал их среди византийских высокопоставленных лиц. Не очень ясно, был ли среди трех, предположительно евнухов, Василий Лакапин. С одной стороны, это вполне вероятно, с другой – странно, что Лиудпранд в этот раз не назвал его по имени. Патрикий Никифор и три его спутника после разговора произвели обыск багажа Лиудпранда и конфисковали «пять драгоценных пурпурных нарядов» («*quinque mihi pretiosissimas purpuras*») [14, р. 20], заявив, что чужеземцы недостойны носить такую одежду и вывоз этих вещей из Константинополя запрещен. В ответ Лиудпранд пытался сослаться на имевший место ранее прецедент. Он заявил, что в прошлый свой приезд в 949 г. при императоре Константине VII Багрянородном он, будучи послом маркграфа Беренгара II Иврейского, купил и вывез еще «больше и более драгоценных одеяний»: «...*temporibus inquam beatae memoriae Constantini imperatoris huc veneram non episcopus, sed diaconus nec ab imperatore aut rege, sed a Berengario marchione missus et multo plura ac pretiosiora pallia emi, quae neque scrutata nec a Grecis visa nec plumbo sunt signata...*» [14, р. 20]. – Во времена, я говорю, блаженной памяти Константина императора, сюда я прибыл не епископом, но дьяконом, не от императора или короля, но от Беренгара маркграфа прислан, и гораздо больше и более драгоценных одеяний купил, причем не досматривали греки и не видели, свинцом не маркировали...». На это патрикий Никифор и его спутники ответили: «...*constantinus, inquit, imperator, homo lenis, in palatio manens perpetuo, huiusmodi rebus amicas sibi nationes effecerat; Nicephorus vero basileus, homo ταχὺχευρ, id est militiae deditus, palatium ceu pestem abhorret et vocatur a nobis prope simultatis amator atque argumentosus, qui non pretio sibi gentes amicas, sed terrore et gladio sibi subditas facit...*» [14, р. 21]. – «Константин, сказали, импера-

тор – человек мягкий, во дворце привык постоянно быть, такими делами он друзей себе среди <чужеземных> народов создавал; Никифор, подлинный василевс, человек *ταχὺχευρ* <стремительный>, то есть к войне склонный, дворца, как чумы, не терпит и зовется нами почти любителем соперничества и даже авторитетом, который не приобретает себе <чужеземных> народов дружбу, но ужасом и мечом себе подчиняет».

В данном случае против довода епископа Лиудпранда, указывающего, что в прошлом византийский император разрешал ему то, что он делает сейчас, используется критика этого императора, который не отвечал высокому стандарту ромейской избранности. Патрикий Христофор применяет именно тот риторический ход, который советует своему сыну Роману II император Константин VII. Критикой персоны экс-императора дезавуируется его авторитет как создателя дипломатического прецедента. У Константина VII Багрянородного в 950-е гг. таким антипримером служит Роман I Лакапин, а у приближенного императора Никифора II Фоки – сам император Константин VII. Но суть этих двух риторических манипуляций совершенно идентична.

Оба рассмотренных эпизода дипломатии середины X в. высвечивают более широкую проблему гибкой диалектики «преемственности» и «разрыва традиции» у византийцев, которые представляли свою общность как сложившуюся этнополитическую группу «римлян» или «ромеев», исторически обитающих на территории «Романии» [11]. В анализируемых нами дипломатических эпизодах переплетаются ключевые темы, связанные с самоидентификацией ромеев, в основу которой положена концепция уникальных историко-культурных характеристик их общности. Именно в этой программной 13-й главе трактата «Об управлении империей» император Константин VII формулирует принципы демаркации общности ромеев [7, р. 66–76] (см. комментарий к этим фрагментам: [11, р. 7–9, 81]). В частности, императором Константином VII подчеркивается радикальное эссенциальное отличие ромеев от других народов, чем обосновывается ограничение спектра брачных валентностей для представителей императорской семьи. Можно полностью согласиться с

Э. Кэлделлисом, который в качестве основы понимания того, что есть этническая группа «византийских римлян» (ромеев), указывает на их уверенность в общности происхождения и своей культурно-исторической гомогенности [11, р. 10–11, 38–80]. К этому можно добавить также значимый критерий необходимости коллективного (социально реферируемого) согласия ромеев на кооптацию в свой состав новых членов из числа окружающих их народов лишь при условии восприятия определенного комплекса идей и паттернов поведения. Сочетание этих – биологически-генеалогического и социально конструируемого – факторов и является главным отличительным свойством формирования идентичности почти любой сложившейся этнополитической и социокультурной группы раннего Средневековья. Другое дело, что в современной исследовательской практике чаще всего историки изучают только «отражения» идентичности – социокультурные оболочки, которые конструируются разными этническими, этносоциальными и политическими группами для манифестации своего отличия и для маркировки «своих» и «чужих».

Тема стратегий брачных обменов семьи правителя народа ромеев возникает вполне естественно в дипломатических казусах, поскольку «эндогенность» (гарантированная определенной конфигурацией запретов) семьи императора является квинтэссенцией и гарантией гомогенности всей совокупной общности римлян (ромеев). Так, конкурсы невест для византийских императоров, обычай проведения которых прекратился в X в., были серьезными политическими шоу в Ромейской империи [28]. Показательно, что эти шоу были оформлены как поиск невесты внутри границ «Романии» (Ромейской империи). Таким образом, они, кроме всего прочего, являлись манифестацией «внутриромейской эндогамии» императора. Их прекращение в X в. может быть объяснено тем, что в этот период доминировала идеология «багрянородности» ключевых членов Македонской династии, которая сама себе гарантировала «ромейскость» правителя.

Стоит обратить особое внимание на еще одну навязчивую «околодипломатическую» тему особого значения одеяний ромейской элиты [3; 13]. «Одежда» («*vestis*»), наряду с

«языком» («*lingua*») и «обычаями», или «нравами» («*mores*»), является ключевым элементом «римскости» (то есть римской идентичности и исторического наследия), на которую претендовали византийцы. Отказ же от римских одеяний трактовался послом в Константинополе Лиудпрандом как отказ от «имени римлян» («*nomen Romanorum*») с явным намеком на потерю прав на «римское наследие» [14, р. 19]. По свидетельству посла, представители византийской элиты, включая императора, одевались в праздничные драгоценные одеяния, которые были при этом крайне ветхими и многие годы передавались из поколения в поколение. Совершенно неслучайно, что свой отчет о посольстве в Константинополь и первой встрече с императором Никифором II Фокой посол Лиудпранд начинает с описания старой одежды его самого и его приближенных. Сам император Никифор II Фока был одет в «украшенный паллиум» («*ornamentum pallium*»), который был «очень ветхий» («*nimis veterosus*») [14, р. 2]. Во время этой процессии в Константинополе местные элитарии («*optimates*») шли в особых праздничных одеяниях, которые тоже выглядели ветхими и изношенными до дыр. По сообщению очевидца Лиудпранда, эти одеяния были уже неновыми даже во времена «прадедов» участников процессии. Во время процессии император Никифор II шел в одеянии, которое сшито на человека более высокого роста [14, р. 4]. Можно догадываться, что он использует одеяние как минимум своего предшественника – императора Романа II Багрянородного, из психосоматограммы которого мы знаем, что он унаследовал телосложение своего отца Константина VII Багрянородного, отличавшегося высоким ростом [26, р. 56, 58, 64, 66, 116]. В 13-й главе император Константин VII прямо пишет, что драгоценные одеяния хранятся в Святой Софии и используются только по праздникам [7, р. 66, 68]. Очевидно, что ценное свидетельство очевидца процессии Лиудпранда подтверждает то, что Константин VII писал в данном случае чистую правду, а не изобретал лживую отговорку для варваров [8, р. 64]. Для посла Лиудпранда, который не преминул высмеять поношенные одеяния византийцев, значение имели *новизна* и *дороговизна* одеяния, для самих же византийцев – ее

историческая значимость, связанная с передачей по наследству, и семиотика материала (шелк) и цвета (оттенки пурпура). В характерном эпизоде из жития святого Власия Аморийского, оставшемся незамеченным историками «византийской моды», главный герой узнает императора Льва VI Мудрого (отца Константина VII и деда Романа II) только по его «великолепной обуви», видимо, «пурпурного цвета» [29, р. 666]. На обувь при первой встрече с императором Никифором II Фокой обратил внимание и посол Лиудпранд, который отметил, что тот был обут в «сиксионские башмаки» (здесь: «calceamenta Sicionia»), что, конечно же, с сарказмом намекает на сократическую историю Марка Туллия Цицерона, где сказано, что такую обувь, несмотря на все ее удобство, носят только женщины, а настоящий мужчина никогда ее не наденет (*De oratore*. 1.54.231) [15, р. 240]. В этой сентенции Лиудпранда еще просматривается не отмеченный комментаторами намек на римского императора Гая Юлия Августа Германика Калигулы, носившего то «калиги разведчика» («speculatoria caliga»), то «женские туфли» («socci muliebres») (Suet. *De Vita Caesarum*. IV.52).

Выводы. У византийской элиты X в. сохранялось острое чувство своей исторической преемственности (оно выражалось даже в таком нюансе, как использование сильно поношенной праздничной одежды, переходящей по наследству из поколения в поколение) и своей историко-генеалогической общности (вплоть до идей своего рода «внутриромейской эндогамии» для императорской семьи). Однако эти коллективистские и историко-институциональные ценности не были жестко персонифицированы или олицетворены в какой-то одной правящей династии или каком-то «харизматическом клане». Они разделялись если не большинством населения Ромейской империи, то, по крайней мере, значительной частью ее элиты. Одновременно установки «наследования», «правопреемства» и «преемственности», формирующие тотальное коллективное чувство континуитета в Ромейской империи, оставляли, несмотря ни на что, практическую возможность и идеологическое обоснование для «законного разрыва» с диспозитивом традиции и тем самым позволяли периодически обновлять и «перезагружать» всю

политическую систему [1, р. 25–78]. Возможность критики императора-предшественника была как раз одним из вариантов такого «разрыва с традицией».

Таким образом, император Константин VII Багрянородный в своем трактате не просто нашел случай упрекнуть тестя-узурпатора, а зафиксировал вполне реальную распространенную дипломатическую уловку. Можно даже предварительно (если не будут найдены более ранние случаи) предположить, что Константин VII эту риторическую уловку придумал сам. Следовательно, патрикий Христофор читал его трактат «Об управлении империей» и творчески использовал сформулированные в нем рекомендации для оправдания обыска багажа и конфискации собственности епископа Лиудпранда. Причем Христофор употребил этот прием, отработанный на примере Романа I Лакапина, уже для критики постфактум поведения самого Константина VII Багрянородного.

Как бы там ни было, византийские политики 950–960-х гг. умели риторически дезавуировать самый сильный дипломатический аргумент того времени – апелляцию к прецеденту. Для большинства лидеров народов Евразии такая риторика была непредставима, поскольку их правители являлись частью генеалогической системы, которая охватывала прошлых, действующих и будущих носителей власти [16]. Критиковать и ставить авторитет своего предшественника под сомнение перед лицом вероятного противника значило для вождя почти любого народа раннего Средневековья поставить под вопрос всю конструкцию и легитимность своей власти. Для византийцев императорская власть была гораздо менее персонифицирована [10], и ее авторитет не мог упасть из-за того, что когда-то Ромейской империей могли править несовершеннолетние властители, не отвечавшие высоким стандартам римской образованности или силы духа.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено по государственному заданию Института всеобщей истории РАН.

The research was carried out in the framework of the state task of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дагрон, Ж. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме» / Ж. Дагрон. – СПб. : Нестор-История, 2010. – 477 с.
2. Щавелев, А. С. Трактат византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей»: о датировках оригинала рукописи и его копии XI в. писца Михаила Роизаита (Paris. gr. 2009) / А. С. Щавелев // Палеография, кодикология, дипломатика : Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов / под ред. И. Г. Коноваловой, М. А. Курышевой. – М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2018. – С. 296–310.
3. Ball, J. L. Byzantine Dress : Representations of Secular Dress in Eight- to Twelfth-Century Painting / J. L. Ball. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2005. – 176 p.
4. Brakhman, A. Außenseiter und “Insider” : Kommunikation und Historiographie im Umfeld des ottonischen Herrscherhofes / A. Brakhman. – Husum : Matthiesen Verlag, 2016. – 292 S. – (Historische Studien (Matthiesen Verlag) ; Bd. 509).
5. Brokkaar, W. G. Basil Lacapenus / W. G. Brokkaar // *Studia Byzantina et Neohellenica Neerlandica*. – 1972. – Facs. 3. – P. 199–234.
6. Brzozowska, Z. A. Maria Lekapene, Empress of the Bulgarians. Neither a saint nor a Malefactress / Z. A. Brzozowska, M. J. Leszka – Krakow : Jagiellonian University Press, 2018. – 238 p. – (Byzantina Lodziensia ; XXXVI).
7. Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. 1 / ed. by G. Moravcsik, R. J. H. Jenkins. – L. : Dumbarton Oaks Publ., 1962. – 341 p.
8. Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. 2 / ed. by R. J. H. Jenkins. – L. : Dumbarton Oaks Publ., 1962. – 221 p.
9. Davids, A. T. Marriage Negotiations Between Byzantium and the West and the Name of Theophano in Byzantium (Eighth to Tenth Centuries) / A. T. Davids // *The Empress Theophano. Byzantium and the West at the Turn of the First Millennium* / ed. by A. T. Davids. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – P. 99–120.
10. Kaldellis, A. The Byzantine Republic. People and Power in New Rome / A. Kaldellis. – L. : Harvard University Press, 2015. – 290 p.
11. Kaldellis, A. Romanland : Ethnicity and Empire in Byzantium / A. Kaldellis. – Cambridge, Mass. : Belknap Press of Harvard University Press, 2019. – 392 p.
12. Kazhdan, A. P. The Notion of Byzantine Diplomacy / A. P. Kazhdan // *Byzantine Diplomacy. Papers from the Twenty-Forth Spring Symposium of Byzantine Studies, Cambridge, 1990* / ed. by J. Shepard. – Aldershot ; Brookfield : Variorum, 1992. – P. 3–24. – (Society for the Promotion of Byzantine Studies Publications ; 1).
13. Kiilerich, B. Attire and Personal Appearance in Byzantium / B. Kiilerich // *Byzantine Culture. Papers from the Conference ‘Byzantine Days of Istanbul’ (Held on the Occasion of Istanbul Being European Cultural Capital 2010. Istanbul, 21–23 May 2010)* / ed. by D. Sakel. – Ankara : Türk Tarih Kurumu, 2014. – P. 439–511.
14. Liudprand of Cremona. Relatio de Legatione Constantinopolitana / ed. by B. Scott. – Bristol : Bristol Classical Press, 1993. – 105 p.
15. Liudprand of Cremona. The Complete Works of Liudprand of Cremona / ed. by P. Squatriti. – Washington : The Catholic University of America Press, 2007. – 296 p.
16. Pohl, W. Genealogy : A Comparative Perspective from the Early Medieval West / W. Pohl // *Meanings of Community Across Medieval Eurasia. Comparative Approaches* / ed. by E. Hovden, Ch. Lutter, W. Pohl. – Boston ; Leiden : Brill, 2016. – P. 232–269.
17. Pohl, W. Introduction : Early Medieval Romanness – a Multiple Identity / W. Pohl // *Transformations of Romanness. Early Medieval Regions and Identities* / ed. by W. Pohl [et al.]. – Berlin : De Gruyter, 2018. – P. 3–39.
18. Riedel, M. L. D. Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity. Writings of an Unexpected Emperor / M. L. D. Riedel. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – 219 p.
19. Schummer, C. Liudprand of Cremona – A Diplomat / C. Schummer // *Byzantine Diplomacy. Papers from the Twenty-Forth Spring Symposium of Byzantine Studies, Cambridge, 1990* / ed. by J. Shepard, S. Franklin. – Cambridge : Variorum, 1992. – P. 197–202.
20. Shepard, J. Information, Disinformation and Delay in Byzantine Diplomacy / J. Shepard // *Byzantinische Forschungen. Internationale Zeitschrift für Byzantinistik*. – 1985. – Bd. 10. – P. 234–293.
21. Shepard, J. Byzantine Diplomacy, 800–1204 : Means and Ends / J. Shepard // *Byzantine Diplomacy. Papers from the Twenty-Forth Spring Symposium of Byzantine Studies, Cambridge, 1990* / ed. by J. Shepard, S. Franklin. – Cambridge : Variorum, 1992. – P. 41–88.
22. Shepard, J. A Marriage Too Far? Maria Lekapena and Peter of Bulgaria / J. Shepard // *The Empress Theophano. Byzantium and the West at the Turn of the First Millennium* / ed. by A. T. Davis. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – P. 121–149.
23. Shepard, J. Past and Future in Middle Byzantine Diplomacy : Some Preliminary Observations / J. Shepard // *Byzance et le monde extérieur : contacts, relations, échanges* / ed. by P. Pagès, M. Balard, É. Malamut, J.-M. Spieser. – Paris : Publications de la Sorbonne, 2005. – P. 171–191.

24. Small, A. M. *Constantinopolitan Connections: Liudprand of Cremona and Byzantium* / A.M. Small // *From Constantinople to the Frontier. The City and the Cities* / ed. by N. S. M. Matheou, T. Kampianaki, L. M. Bondioli. – Leiden ; Boston : Brill, 2016. – P. 84–97.

25. Stouraites, I. *Byzantine Romanness: From Geopolitical to Ethnic Conceptions* / I. Stouraites // *Transformations of Romanness. Early Medieval Regions and Identities* / ed. by W. Pohl [et al.]. – Berlin : De Gruyter, 2018. – P. 123–155. – (Millennium-Studien ; vol. 71).

26. Sullivan, D. *The Rise and Fall of Nikephoros II Phokas. Five Contemporary Texts in Annotated Translations* / D. Sullivan. – Leiden ; Boston : Brill, 2018. – 252 p.

27. Taugher, Sh. *The Eunuch in Byzantine History and Society* / Sh. Taugher. – L. ; N. Y. : Routledge, 2008. – 244 p.

28. Treadgold, W. T. *The Bride-Shows of the Byzantine Emperors* / W. T. Treadgold // *Byzantium*. – 1979. – № 49. – P. 395–413.

29. Vita S. Blasii // *Acta Sanctorum. Novembris. T. 4* / ed. by H. Delehaye, P. Peeters. – Bruxellis : Apud Socios Bollandianos, 1925. – P. 656–669.

30. Βλυσίδου, Β. Η πολιτική του Βασιλείου Λακαπηνού έναντι της Δύσης / Β. Βλυσίδου // *Βυζαντινά Σύμμεκτα*. – 2008. – Τ. 17. – Σ. 111–129.

REFERENCES

1. Dagron G. *Imperator i svyashchennik. Etyud o vizantiyskom «tsezarepapizme»* [Emperor and Priest. Essay on Byzantine “Caesaropapizm”]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010. 477 p.

2. Shchavelev A.S. *Traktat vizantiyskogo imperatora Konstantina VII Bagryanorodnogo “Ob upravlenii imperiey”: o datirovках originala rukopisi i ego kopii XI v. pistsa Mikhaila Roizaita* (Paris. gr. 2009) [Treatise of Byzantine Emperor Constantine VII Porphyrogenitus “De Administrando Imperio”: On the Date of the Original Manuscript and Its Copy of the 11th Century by Scribe Michael Roizaites (Paris. gr. 2009)]. Konovalova I.G., Kuryшева M.A., eds. *Paleografiya, kodikologiya, diplomatika: Sovremennyy opyt issledovaniya grecheskikh, latinskikh i slavyanskikh rukopisey i dokumentov* [Modern Experience in the Study of Greek, Latin and Slavic Manuscripts and Documents]. Moscow, Institut vseobshchey istorii, 2018, pp. 296-310.

3. Ball J. L. *Byzantine Dress: Representations of Secular Dress in Eight- to Twelfth-Century Painting*. New York, Palgrave Macmillan, 2005. 176 p.

4. Brakhman A. *Außenseiter und “Insider”:* *Kommunikation und Historiographie im Umfeld des*

ottonischen Herrscherhofes. Husum, Matthiesen Verlag, 2016. 292 S. (Historische Studien (Matthiesen Verlag), Bd. 509).

5. Brokkaar W.G. Basil Lacapenus. *Studia Byzantina et Neohellenica Neerlandica*, 1972, Facs. 3., pp. 199-234.

6. Brzozowska Z.A., Leszka M.J. *Maria Lekapene, Empress of the Bulgarians. Neither a Saint nor a Malefactress*. Krakow, Jagiellonian University Press, 2018. 238 p. (Byzantina Lodziensia; XXXVI).

7. Moravcsik G., Jenkins R.J.H., eds. *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. 1*. London, Dumbarton Oaks Publ., 1962. 341 p.

8. Jenkins R.J.H. *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. 2*. London, Dumbarton Oaks Publ., 1962. 221 p.

9. Davids A.T. *Marriage Negotiations Between Byzantium and the West and the Name of Theophano in Byzantium (Eighth to Tenth Centuries)*. Davids A.T., ed. *The Empress Theophano. Byzantium and the West at the Turn of the First Millennium*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, pp. 99-120.

10. Kaldellis A. *The Byzantine Republic. People and Power in New Rome*. London, Harvard University Press, 2015. 290 p.

11. Kaldellis A. *Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium*. Cambridge, Massachusetts, Belknap Press of Harvard University Press, 2019. 392 p.

12. Kazhdan A.P. *The Notion of Byzantine Diplomacy*. Shepard J., ed. *Byzantine Diplomacy. Papers from the Twenty-Forth Spring Symposium of Byzantine Studies*, Cambridge, 1990. Aldershot, Brookfield, Variorum, 1992, pp. 3-24. (Society for the Promotion of Byzantine Studies Publications, 1).

13. Kiilerich, B. *Attire and Personal Appearance in Byzantium*. Sakel D., ed. *Byzantine Culture. Papers from the Conference “Byzantine Days of Istanbul” (Held on the Occasion of Istanbul Being European Cultural Capital 2010. Istanbul, May 21–23, 2010)*. Ankara, Türk Tarich Kurumu, 2014, pp. 439-511.

14. Scott B., ed. *Liudprand of Cremona. Relatio de Legatione Constantinopolitana*. Bristol, Bristol Classical Press, 1993. 105 p.

15. Squatriti P., ed. *Liudprand of Cremona. The Complete Works of Liudprand of Cremona*. Washington, The Catholic University of America Press, 2007. 296 p.

16. Pohl W. *Genealogy: A Comparative Perspective from the Early Medieval West*. Hovden E., Lutter Ch., Pohl W., eds. *Meanings of Community Across Medieval Eurasia. Comparative Approaches*. Boston, Leiden, Brill, 2016, pp. 232-269.

17. Pohl W. *Introduction: Early Medieval Romanness – A Multiple Identity*. Pohl W., Gantner C., Grifoni C., Pollheimer-Mohaupt M., eds. *Transformations*

of Romanness. *Early Medieval Regions and Identities*. Berlin, De Gruyter, 2018, pp. 3-39.

18. Riedel M.L.D. *Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity. Writings of an Unexpected Emperor*. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 219 p.

19. Schummer C. Liudprand of Cremona – A Diplomat. Shepard J., Franklin S., eds. *Byzantine Diplomacy. Papers from the Twenty-Forth Spring Symposium of Byzantine Studies, Cambridge, 1990*. Cambridge, Variorum, 1992, pp. 197-202.

20. Shepard J. Information, Disinformation and Delay in Byzantine Diplomacy. *Byzantinische Forschungen. Internationale Zeitschrift für Byzantinistik*, 1985, Bd. 10, pp. 234-293.

21. Shepard J. Byzantine Diplomacy, 800–1204: Means and Ends. Shepard J., Franklin S., eds. *Byzantine Diplomacy. Papers from the Twenty-Forth Spring Symposium of Byzantine Studies, Cambridge, 1990*. Cambridge, Variorum, 1992, pp. 41-88.

22. Shepard J. A Marriage Too Far? Maria Lekapena and Peter of Bulgaria. Davis A.T., ed. *The Empress Theophano. Byzantium and the West at the Turn of the First Millennium*. Cambridge, Cambridge University Press, 1995, pp. 121-149.

23. Shepard J. Past and Future in Middle Byzantine Diplomacy: Some Preliminary Observations. Pagès P., Balard M., Malamut É., Spieser J.-M., eds. *Byzance et le monde extérieur: contacts, relations,*

échanges. Paris, Publications de la Sorbonne, 2005, pp. 171-191.

24. Small A.M. Constantinopolitan Connections: Liudprand of Cremona and Byzantium. Matheou N.S.M., Kampianaki T., Bondioli L.M., eds. *From Constantinople to the Frontier. The City and the Cities*. Leiden; Boston, Brill, 2016, pp. 84-97.

25. Stouraites I. Byzantine Romanness: From Geopolitical to Ethnic Conceptions. Pohl W., Gantner C., Grifoni C., Pollheimer-Mohaupt M., eds. *Transformations of Romanness. Early Medieval Regions and Identities*. Berlin, De Gruyter, 2018, pp. 123-155. (Millennium-Studien; vol. 71).

26. Sullivan D. *The Rise and Fall of Nikephoros II Phokas. Five Contemporary Texts in Annotated Translations*. Leiden, Boston, Brill, 2018. 252 p.

27. Taugher Sh. *The Eunuch in Byzantine History and Society*. London, New York, Routledge, 2008. 244 p.

28. Treadgold W.T. The Bride-Shows of the Byzantine Emperors. *Byzantion*, 1979, no. 49, pp. 395-413.

29. Vita S. Blasii [The Life of Saint Blaise]. Delehaye H., Peeters P., eds. *Acta Sanctorum. Novembris. T. 4*. Bruxellis, Apud Socios Bollandianos, 1925, pp. 656-669.

30. Blysidou B. E politike tou Basileiou Lakapenou enanti tes Dyses [The Basil Lekapenus' Policy Against West]. *Byzantin Symmeikta* [Byzantine Miscellanea], 2008, vol. 17, pp. 111-129 (in Greek).

Information about the Author

Aleksey S. Shchavelev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of History of Byzantium and Eastern Europe, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, alexissorel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0997-8235>

Информация об авторе

Алексей Сергеевич Щавелев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, alexissorel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0997-8235>